

Тата
Акерман

12+

По
Арбатско-Покровской

Тата Акерман

По Арбатско-Покровской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66573452

SelfPub; 2021

Аннотация

«Не живёт любовь в метро, там только шумные вагоны», – поёт солист группы "Мёртвые дельфины" Артур Ацаламов.

Андрюша с этим не согласен. Метро помнит всё: зарождение каждой любви, мысли, идеи. Он думает об этом, когда под взглядом незнакомки вспоминает последние слова матери. Метро помнит всё: каждый переломный момент в миллионах жизней, каждую слезу сожаления и искреннюю улыбку. Даже сквозь года.

Тата Ажерман

По Арбатско-Покровской

– Алло! Я в метро, не могу говорить. Перезвоню, – отвечает по телефону мужской голос.

Мама Андрюши не успевает больше ничего сказать – тот цокает и бросает трубку, а затем толкает молодого паренька на быстро ползущем вниз эскалаторе. День не задался с самого утра: подгоревший омлет, промокшая обувь, недовольный начальник. Из-за придинок последнего пришлось задержаться на сорок минут и переделать отчёт... Теперь ещё и по телефону достают! Вот же ж!

Запах московского метро всегда успокаивал Андрюшу, и получше всяких сигарет, которые он опять купил в замызганном ларьке возле офиса, хотя ещё вчера клялся матери, что «честно-пречестно» бросил. Он так часто обманывает её. Слишком часто.

В последний раз вдыхая полюбившуюся смесь креозота и пыли, Андрюша сходит с уходящей под землю ступени и думает, что люди лгут чертовски много. Не столько друг другу, сколько самим себе. Люди жалеют о несделанном, убеждая себя, что так правильнее. Люди не делают то, что им нравится, потому что не уверены в себе. Люди боятся и не пытаются, отрицая, что у них есть шанс победить.

Мысли плотно сидят в уставшем мозгу младшего редак-

тора, когда он разглядывает большую фреску на Киевской по Арбатско-Покровской линии. Останавливаться напротив неё стало чем-то вроде традиции, этакого ритуала. После работы, на пять минут, в течении почти семи лет. Это действие приносит странное умиротворение, особенно когда мужчина закрывает покрасневшие глаза под взоры угрюмых и любопытных прохожих, глубоко вдыхает и выдыхает медленно и шумно, пока вокруг его новеньких лакированных туфель собирается маленькая лужица дождевой воды. Разум будто очищается, а в светлых мраморных стенах родного метрополитена становится тепло. В любое время года. Если не телу, то душе. Всегда.

До определённого момента...

В вагоне удача улыбается Андрюше впервые за сегодня, когда он успевает занять свободное место: удивительно мало народу, однако. Оглядевшись по привычке и не обнаружив ни беременных женщин, ни пожилых людей, ни пассажиров с детьми, мужчина выуживает из кармана куртки клубок наушников и принимается старательно и максимально сосредоточенно их распутывать. Поезд трогается. Вставив цветные подушечки в уши, мужчина начинает лениво осматриваться вокруг, притопывая правой ногой и зонтом по очереди мимо ритма «Куклы колдуна».

Юноша напротив одет в армейскую форму и подстрижен под 0,3. Он улыбается и время от времени трогает мозолистыми руками румяные щёки. Должно быть, они уже поба-

ливают, но его улыбка всё равно не сходит с лица, а порой и вовсе становится шире, когда обнимающая его за плечи девушка шепчет что-то на ухо и утыкается носиком в шею.

Соскупились, молодые – заключает Андрюша, и уголки его собственных губ невольно приподнимаются. Чуть-чуть совсем, но всё же заметно – понимает он, ловя на себе мягкий взгляд зелёных женских глаз, чья обладательница растёгивает белую шубку. *Кажется, из песка*, – предполагает редактор, – *Дорого, богато*. Но Смоленская остаётся позади, и он осознаёт, что ошибается, видя нашивку «антимехового марша» на её сумке, слегка потёртой и с виду довольно тяжёлой. В рыжих, мокрых от дождя волосах застрял крохотный пожелтевший листик, и Андрюша одним только метаящимся туда-сюда взором намекает на это после того, как незнакомка ему подмигивает. *Мило...* Она непонимающе изгибает левую бровь – он пару раз похлопывает себя по макушке. Поезд доезжает до Арбатской, народу чуть прибавляется, и Андрюше приходится немного наклониться в сторону, чтобы узреть, как женщина наощупь находит листочек, как распахиваются её очи с густыми ресницами и как она начинает хихикать в ладонь. Мужчина отмечает отсутствие кольца на безымянном пальце и посмеивается в ответ. «Дурака и молнию» сменяет «Лесник».

Старушка с собакой заходят на Площади Революции. Она напоминает Андрюше мать – такая же хрупкая и сгорбленная, но невероятно дружелюбная и улыбчивая. Он обещает

себе, что перезвонит ей, как только доберётся до пункта назначения, и незамедлительно уступает место. Бабушка рассыпается в благодарностях, Андрюша гладит полуслепую пушистую колли в наморднике, и судьбоносная толпа толкает его к незнакомке будто нарочно, когда музыка в наушниках останавливается.

Мужчина не верил в судьбу. Никогда. Считал и её, и гороскопы всякие, и видения выдумкой, забавой. Но при этом любил вместе с мамой смотреть подобные передачи по телевизору, с понедельника на четверг. Она готовила ужин, он ремонтировал старые часы. Ни Андрюша, ни Людмила Николаевна не помнили, а то и вовсе не знали, откуда их столько в доме. Самых разных: от советских будильников и настенных с кукушкой до современных цифровых и наручных. Как-то собралось с годами, видимо. Починка тоже успокаивала младшего редактора. Он даже как-то писал статьи на эту тему и публиковался в интернете, однако после нескольких отказов в журналах и газетах это дело было брошено. Андрюша думает, что тогда ему следовало быть увереннее в себе и развиваться дальше. Быть может, сейчас бы тогда он был на вершине.

Скрип колёс поезда слышен в вагоне. Незнакомку зовут Вера. Вера Егоровна. Так написано на именном бейдже директрисы, который она, по всей видимости, забыла снять. Андрюша делает этот вывод, когда видит её бледноватое, уставшее лицо, без малейшего намёка на макияж. Редактор

любил естественную красоту. Любил он и когда девушки красятся. Не считал это женской обязанностью, чем-то необходимым. Ведь кристально ясно, что это личный выбор каждого человека. Если он делает то, что ему нравится, глупо судить его за это. Очень глупо.

Мальчик, лет десяти-двенадцати, вскакивает и хватается Андриюшу за руку весьма внезапно. Тянет за рукав, пока тот, удивлённый, оглядывается вокруг – короткостриженный паренёк на пару с возлюбленной показывают мальчишке поднятые вверх большие пальцы. Незнакомка вновь смеётся, когда он плюхается рядом с ней. Где-то рядом юнец даёт «пять» молодому человеку в камуфляже.

– Тяжёлый день? – с сочувствием и лёгкой, подбадривающей улыбкой интересуется Андриюша, с некоторой неловкостью сдвигая колени вместе и крепче сжимая деревянную ручку зонтика. Ладони вспотели или дождевая вода ещё не высохла? Он не может разобраться с этим вопросом, да и не особо хочет – эти уставшие, но какие-то озорные зелёные глаза заставляют его застыть.

– Неожиданно пасмурный, – говорит Вера, когда двери громко захлопываются, но Андриюша читает по губам, что исказились приветливо.

В вагоне слишком шумно для разговоров на полутоне, и мужчина убирает наушники обратно в карман, пока Вера печатает что-то в телефоне, а затем показывает написанное ему. Четыре простых слова: «снова забыла посмотреть про-

гноз». Он переводит взгляд с экрана на неё, и та театрально хлопает себя по лбу. Андрюша понимающе кивает и открывает заметки на собственном мобильнике. Тут хранятся десятки его старых идей для статей. Набирая ответ он вдруг решает, что неплохо было бы их реализовать. Колли ложится на пол, дремлет.

«Они там частенько ошибаются».

Вера украдкой поглядывает на чёрный зонт:

«А Вы, как я вижу, перестраховались?».

«Я довольно предусмотрителен. Хотя мама зовёт меня паникёром».

«А я довольно рассеяна. Мама зовёт меня балдой».

«Но всё равно прекрасны. Я бы звал Вас музой».

От Бауманской до Электrozаводской они едут молча, если можно так выразиться. Андрюша замечает торчащий из женской сумки погнутый уголок книги. Присматривается – сборник рассказов Чехова. Мужчине нравятся его произведения. Не столько за то, что они заняты и поучительны, сколько за их размер. Он никогда не дочитывал длинные романы до конца, вечно бросал, нередко и до середины не доходя. А писать даже и не пытался. Ему больше по душе короткая проза. Раньше младший редактор имел комплексы на этот счёт. Однако многие утверждали, что рассказы писать сложнее, так как приходится вмещать целую историю в небольшой текст. Теперь Андрюша гордится своим умением, пусть и по сей день пишет исключительно «в стол».

Вера прожигает взглядом дырочку в чужой куртке, оставленную, вероятно, сигаретой. Знакомая ситуация. Она беззлобно усмехается перед тем, как напечатать:

«А я бы звала Вас неряхой. Очаровательным неряхой».

Андрюша немного теряется – давненько в его адрес не употребляли такие слова как «очаровательный», «красивый» или «интересный». Он чувствует слабый жар на щеках и тихонечко цокает, когда его пальцы пару раз жмут не на те клавиши:

«Я могу считать это за комплимент?».

На Семёновской в вагон залетают худощавый парень с электро-гитарой и миниатюрная девушка с разноцветными дредами, держащая в руках вязанную шапку. Оба одеты как преданные фанаты рока, а их мелодия оказывается очень даже хороша. Андрюша узнаёт в ней многим известный трек Nirваны и опять читает по губам.

– Возможно.

От Веры пахнет цветочными духами, дождём и чем-то сладким, кажется, ванилью – младший редактор улавливает эту странную, но приятную смесь, когда мимо проходит подруга гитариста, в шапку которой он успеваеет кинуть помятую, наспех вынутую из неглаженных штанов купюру. Ему остаётся две остановки, но вставать и покидать милую директрису совсем не хочется.

«Вы на какой выходите?» – женская рука еле заметно подрагивает, держа гаджет.

Андрюша на автомате набирает, что «на Щёлковской».

Кажется, улыбка Веры становится шире, и из-за этого все звуки метро куда-то отдаляются, будто они тут совсем одни.

«Это, должно быть, судьба».

Вероятно, сей момент – первый и последний, когда Андрюша верит в судьбу. А как это ещё можно назвать? Совпадение? Удача? Нет. Эта встреча – судьбоносна.

Ему всё кажется нереальным. Наверное, поэтому он смотрит на Веру несколько удивлённо, из-за чего та снова хихикает, прежде чем написать:

«У меня к Вам деловое предложение».

Ох уж это цепляющее озорство. Андрюша не может от неё оторваться, поэтому женщина вновь остаётся без ответа. Но от этого не становится неудобно, наоборот – внутри разливается какое-то приятное тепло, какое бывает, когда выпиваешь шампанского.

«Вы поделитесь зонтом, а я зашью Вам куртку. Что скажете?».

Мужчина ощущает, как резко вспыхнувший восторг щекочет в груди, из-за чего улыбка не поддаётся его контролю и возникает на чуть румянном лице.

«Тогда с меня ещё и кофе».

«Я пью эспрессо без сахара».

«Прям совсем без?».

Во рту будто появляется сводящая лицо горечь кофе – воспоминания о ней довольно яркие.

«Совсем».

«А я люблю ванильный капучино. Такой приятно приторный».

«Противоположности притягиваются».

Андрюша чувствует себя подростком. Словно ему снова шестнадцать и он впервые решил позвать девочку из параллели на свидание. И она согласилась. Он чётко помнит, как от радости прыгал по песчаной тропинке по дороге домой, через старую детскую площадку, пока солнце за спиной окрашивало небо в огненно оранжевый. Тогда была осень. Октябрь, если точнее. Она тоже любила эспрессо без сахара. И ярко-красная рябина на фоне жёлтых листьев смотрелась очень красиво. Прямо как сейчас.

Андрюша думает, что ещё красивее рябина будет выглядеть за ухом Веры на фоне её рыжих волос, особенно с её веснушками, которыми он опять любитесь до последнего. Машинист объявляет, что следующая станция – конечная. Как в советских чёрно-белых фильмах, которые младший редактор смотрел с матерью в детстве, да и сейчас периодически, он, уже будучи взрослым тридцати трёхлетним мужчиной, поднимается первым и предлагает даме свою руку. Маме бы это понравилось. Она сказала бы, что он джентльменом. Вера выпускает уже четвёртый, но на этот раз слышимый смешок и принимает сей любезный жест. Старушка с колли выходят из вагона следом за новыми знакомыми. Собака успевает лизнуть руку Андрюши, за что его хозяйка, чуть ли до

пола не кланяясь, извиняется. Многократно. А мужчина в свою очередь убеждает её, что всё в порядке, его не укусили, и вообще это создание – ангел.

– Любите животных? – интересуется Вера, когда бабуля с преданным питомцем таки уходят к эскалатору.

Они стоят возле скамейки, и, пока она спрашивает, Андрюша предлагает присесть.

– Очень, – их колени соприкасаются, – Но вообще я кошатник.

– Я тоже, – директриса что-то торопливо ищет в смартфоне, – Знакомьтесь, это Боня. Она обшерстит Ваши штаны.

На фотографии трёхцветная кошка сидит на подоконнике. За окном – ливень в полусумраке, и у неё торчит кончик языка. Мужчина умиляется:

– Какое солнышко! Я совсем не против, если она обшерстит мои штаны.

И вновь этот прелестный смех. Младший редактор слушает его какое-то время, пока не понимает, что должен предупредить маму о том, что вернётся позже. И извиниться за то, что был груб с ней.

– Я отойду позвонить? – он поднимается и тянется в карман куртки за мобильником.

– Да, конечно, – неизменно улыбается Вера, – Я Вас жду.

Андрюша просит прощения и отходит к противоположной стене, нажимает на кнопку вызова. Считая гудки, он ходит туда-сюда и не отдаёт себе в этом отчёт. Раньше его вол-

новало это – то, что он вечно занимается какой-нибудь ерундой, пока говорит по телефону. Думал, что чересчур тревожен, и ему следует обратиться за помощью. Но потом понял, что с большинством происходит то же самое. А значит, он в порядке. Ну, или большинству нужна помощь.

В первый раз Людмила Николаевна не отвечает, и мужчина минуту-другую занимает в проверке погоды на завтра, прежде чем позвонить опять. Трубку берут с шестого гудка:

– Назовите Ваши фамилию, имя, отчество, пожалуйста, – вместо материнского приветствия громко произносит незнакомый мужской голос.

– Ч-что? Я Андрей. Андрей Павлович Бондарёв.

У Андрюши мгновенно пересыхает в горле, а тело пробивает озноб такого сильного испуга, что он еле-еле выдавливает из себя что-то, когда до него доходит, что на том конце провода, на фоне, звучит ничто иное, как сигнализация скорой помощи.

– Вы приходитесь Людмиле Николаевне Бондарёвой сыном?

Разум затуманивается, уши закладывает до противного писка. Мужчина меняет руку, которой держит гаджет, и вытирает вспотевшую ладонь о штаны. Его пальцы подрагивают.

– Андрей Павлович?

– Да... Да, я её сын. Где- – Андрюша глотает слюну и прочищает горло – хочется пить, – Что с моей мамой?

– Авария на Сиреневом бульваре. Андрей Павлович, Ваша мать в реанимации.

Резкий приступ слабости подкашивает колени младшего редактора, а он сам грузно опускается на скамейку.

– Что? – шепчет еле слышно; одновременное закрытие дверей вагонов звучит чересчур громко, чуть ли не оглушительно, заставляя вздрогнуть.

– Внутреннее кровоизлияние... – продолжает говорить медик, но средство связи выскальзывает из руки Андриюши.

И он открывает глаза.

По лбу стекают капельки холодного пота, и мужчина лихорадочно стирает их, ровно садясь на месте. Сердце ощутимо бьёт в груди как бешеное, отдаёт в виски. В ушах привычно орёт Горшенёв.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Первомайская, – едва разборчиво, сквозь музыку.

Андриюша сглатывает и хочет пить, прямо как в тот день. В день, когда последнее, что он сказал матери, было: «Я очень устал, ма. Не пили меня хотя бы сегодня. Холодильник не горит, я посмотрю его на выходных. Не доставай». В день, когда он встретил Верочку, которая потом шокировала его тем, что поехала с ним в больницу поздним вечером, перед работой. В день, когда Людмила Николаевна умерла в крохотной палате на одного, пропитанной запахом спирта, под пиканье аппарата жизнеобеспечения, так и не услышав извинений сына и новости о том, что тот, наконец, идёт на сви-

дание, пусть и такое своеобразное. И с того дня прошло уже шесть лет, а Андрюша продолжает иногда видеть сон о нём, когда засыпает в метро.

Он выдёргивает наушники и складывает в коробочку – беспроводные удобные, их не надо распутывать, но вот когда один из них перестаёт заряжаться, тогда начинается настоящая нервотрёпка. Наверное, надо будет купить накладные. Верочка советует ему это каждый раз, когда тот ругается на свои и грозитя пальцем, склонившись над столом.

Бывший младший и нынешний выпускающий редактор достаёт из внутреннего кармана пальто, что ему подарила жена на День Рождения, маленькую бутылку воды, нетерпеливо открывает её и выпивает всё до дна. Затем берёт в руки смартфон и заходит в сообщения. Пальцы промахиваются, но, благо, т9 всё исправляет.

«Моя следующая. Забегу в магазин и домой. Люблю тебя».

Он отправляет это на номер матери, который давно уже недоступен. На экране опять появляется красный восклицательный знак рядом с текстом. Однако, Андрюша не перестаёт писать ей. Ежедневно, по нескольку раз, об интересных новостях и рутинных вещах. Вина до сих пор болезненно покалывает в груди вместе с тоской.

Теперь мужчина не лжёт, даже если правда горька. Теперь он делает то, что хочет, вдохновляет и мотивирует других. Теперь при прощании он целует Верочку, треплет по голове

двухлетнего сынишку Мишу, обнимает друзей и пожимает руки коллегам, прося их быть осторожными и выражая надежду на то, что они скоро увидятся.

Андрюша пишет Верочке то же самое, глубоко и звучно вздыхает и осматривается по сторонам, почёсывая отросшую бороду. Вместо короткостриженого парнишки в камуфляже и его возлюбленной он видит пару с ребёнком в коляске. Вместо старушки с колли – грустную женщину с пустым поводком и ошейником в руках. Вместо мальчика – подростка с книгой. Вместо музыкантов – рекламу о первом концерте новой группы. А вместо Веры – пустующее место, ведь сейчас она у них дома, на Щёлковской, ждёт его вместе с Мишей, чтобы всей семьёй приготовить ужин и посмотреть вторую часть «Холодного сердца» – ради этого пришлось отпроситься с работы пораньше.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Щёлковская. Конечная.

Андрюша застёгивает пальто и готовится выходить. Сегодня на улице дождь.